

или натуральное возмещение ущерба. Вид избираемого наказания чаще всего зависел от субъектов, совершивших преступление, которых различали по занимаемому в обществе положению и половому признаку.

С течением времени законодательство претерпело более существенные изменения: создаваемые нормы затрагивали уже большее количество жизненных сфер, что свидетельствовало о возникновении новых ценностных ориентиров и зарождении новых общественных институтов. Это касалось и сферы семейных отношений. С давних времен государство с помощью правовых предписаний пыталось урегулировать отношения между супругами, родителями и детьми, определить права и обязанности субъектов семейных отношений, обеспечить защиту их прав и интересов, о чем свидетельствует такой древний памятник права, как законодательный свод старовавилонского периода, созданный при царе Хаммурапи в 1750-х гг. до н. э. В нем законодательно закреплялось право матери и ее детей на имущественное обеспечение в случае оставления их отцом. Так, в параграфе 137 законов Хаммурапи прописано, что «если человек с шугетум, которая родила ему сыновей, или с надитум, которая дала ему [возможность] иметь сыновей, развестись задумал, этой женщине должны вернуть ее приданое, и половину поля, сада и движимого имущества ей должны отдать, и своих сыновей она должна взрастить; когда своих сыновей она взрастит, из всего, что дано ее сыновьям, долю, равную доле одного сына, ей должны дать, и муж, который ей по сердцу, может взять ее в жены».

В Древней Греции и Древнем Риме изначально существовала лишь моральная ответственность отца за ребенка. Позднее была установлена обязанность детей содержать родителей в старости или в случае болезни. В Риме постепенное уменьшение неограниченной власти отца над членами семьи привело к законодательному закреплению обязательного содержания одних родственников другими согласно законному браку или кровному родству и внебрачными детьми матери и ее родителей. Еще в древности у греков существовало государственное обеспечение пожилых и неработающих граждан и детей-сирот. В Древнем Риме (конец I – середина III в.) была создана целая система государственной помощи детям малоимущих родителей и сиротам – алиментация. Устраивались специальные, находившиеся в ведении государства фонды, складывающиеся из процентов, получаемых от мелких и средних землевладельцев за выдачу им ссуд государством. Римский юрист Домиций Ульпиан отмечал, что «если даже дети не находятся во власти родителей, родители все же должны их содержать, и наоборот, дети должны содержать родителей».

Краткий анализ древних памятников права показывает, что институту семьи, как основе любого цивилизационного общества, уделялось особое внимание, в том числе посредством законодательной регламентации основных прав и обязанностей ее членов, а также через закрепление обязанности материального содержания женщин, детей и пожилых родственников. Подобные законодательные установления закрепляли ответственность как юридическую, так и моральную за теми членами семьи, которые больше всего в этом нуждались. Это способствовало привитию основополагающих семейных ценностей.

УДК 340.1

В.И. Павлов

ПРАВОВОЕ МЫШЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ: ЦЕННОСТНЫЕ И МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Успешное решение исследовательских задач в правоведении всегда зависит от содержания, направленности, ценностных и мировоззренческих характеристик правового мышления. Особенно это актуально для фундаментального правоведа, напрямую не связанного с анализом позитивного права и основывающегося в познании на общей философской эпистемологии. Однако помимо философской позиции правовое мышление ученого связано с определенной политикой права как составной частью фундаментального юридического знания, а также зависит от методологической ситуации и истории правовой традиции, в рамках которой осуществляется познание.

Современная методологическая ситуация в правоведении связана с формированием юридического знания в постсоветский период, в рамках которого можно условно выделить три этапа.

Первый этап (1990-е гг.) характеризовался «поворотом на Запад», т. е. отказом от советских методологических оснований и некритическим принятием классических методологических положений эпохи Нового времени. Этот процесс имел во многом объективный характер и был подготовлен развитием советской юриспруденции 80-х гг. Правда, первый этап характеризовался также и обращением к русской дореволюционной юридической литературе, которая стала активно издаваться с 1991 г., но дореволюционная наука в ранний постсоветский период рассматривалась в контексте развития заимствованной современной западной мысли, времени на анализ состояния самой дореволюционной юриспруденции не было. Ключевое место на этом этапе занимали идеи юснатурализма, среди разработанных русскоязычных правовых теорий господствовала либертарная теория права В.С. Нерсисянца. В белорусской юриспруденции сходные идеи разрабатывал С.Г. Дробязко. Некоторые положения концепции В.С. Нерсисянца (идея цивилизма) даже были использованы при разработке программы ваучерной приватизации собственности. На этом этапе также происходили активное законодательное заимствование и имплементация международных правовых актов. В связи с указанными характеристиками этапа его можно назвать эпохой правового романтизма.

Второй этап (рубеж 1990–2000-х гг. – 2009 г.) характеризовался двумя основными тенденциями: критической рефлексией методологических оснований классического юридического знания и началом осторожного пересмотра ценностного статуса заимствованных в 1990-х гг. западных методологических положений. Юснатурализм и либертарная теория В.С. Нерсисянца постепенно утрачивали господствующие позиции. Начало второго этапа было связано также с политическими и геополитическими событиями в мире, с политическим и социально-экономическим кризисами на постсоветском пространстве и с несоответствием этих событий тем представлениям, которые сформировались в постсоветской научной общественности в начале 1990-х гг.

В начале 2000-х гг. были разработаны первые правовые теории, основанные на критике классической юридической рациональности и не связанные с идеями юснатурализма и классического социологизма. Это коммуникативная теория права (А.В. Поляков), диалогическая теория права (И.Л. Честнов), антрополого-правовое направление (О.А. Пучков), новая теория субъекта права (С.И. Архипов). В отраслевых исследованиях это конституционная аксиология (В.И. Крусс), теория уголовно-процессуальной лингвистики (А.С. Александров), нравственно-правовой и социолого-правовой подходы в уголовном праве (А.И. Бойко, А.Э. Жалинский) и др. Важное место в развитии идей кризиса классической правовой рациональности сыграли общетеоретические работы Г.В. Мальцева. Под влиянием петербургской школы философии права началось обращение к идеям постклассической рациональности в праве, был исследован феномен постмодернизма в праве и осуществлено его отграничение от постклассического правоведения.

Учеными, разрабатывавшими данную проблематику, было обосновано положение о кризисе западной нововременной правовой методологии. Была также установлена зависимость большей части идей дореволюционного правоведения (кроме исследовательской линии, связанной с развитием идей В.С. Соловьева) от западной нововременной методологии, в связи с чем стало понятно, что для использования этих идей они нуждаются в существенной методологической модификации.

Третий этап (2010 г. – настоящее время) характеризуется следующими тенденциями: попыткой устранить зависимость от нововременного методологического языка западного правоведения; осознанием политико-правового, а не только юридико-технического характера многих правовых актов, предлагаемых для имплементации из западных правовых порядков; обращением к культурно-историческим и аксиологическим основаниям собственных правовых традиций, в том числе отказом от атеистического и проявлением внимания к религиозно обусловленному юридическому дискурсу; разработкой новых правовых категорий, альтернативных новоевропейской правовой методологии («конституционная идентичность», «правовая традиция», «юридический дискурс», «человекомерность права» и др.); активным исследованием проблематики цифровизации в праве и осознанием фундаментального характера этой темы. Неверно понимать третий этап как противопоставление русскоязычного правоведения западному. Однако формат методологических отношений на данном этапе выстраивается на принципах диалогичности, свободы, независимости и равнозначности, а также отсутствия политико-правового диктата.

В связи с эволюцией и выделенными этапами развития методологии права укажем на некоторые ценностные и мировоззренческие аспекты современного правового мышления.

Во-первых, правовед-исследователь должен знать исходные методологические основания проводимого им исследования. Это необходимо для методологической прозрачности (ясного понимания позиции исследователя для научного сообщества), саморефлексии и самоопределения гносеологической позиции. Речь идет не только о фундаментальных правовых исследованиях, но и об отраслевой проблематике, ведь предложения по совершенствованию законодательства также имеют конкретную теоретико-методологическую форму и определенную ценностно-мировоззренческую направленность. Например, обоснование имплементации положений Стамбульской конвенции (Конвенции Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием от 11 мая 2011 г. (вступила в силу с 1 августа 2014 г.) путем введения соответствующих административно-деликтных норм в отечественное законодательство указывает на имплицитную замену традиционной модели семьи, материнства, отцовства и детства на гендерную и феминистическую модели этих институтов (см. преамбулу, ст. 3 и 4 Конвенции, понятие gender выступает генеральным принципом Конвенции). Иначе говоря, такая позиция находится в русле развития неоноевропейского учения о правах человека, соответственно, основывается на исходных позициях первого этапа и по различным причинам не учитывает изменения, которые прошли на втором и третьем этапах развития правовой методологии.

Во-вторых, в соответствии с общепризнанным в настоящее время принципом методологического плюрализма исследователь может выбрать любую методологическую стратегию познания. Однако он должен понимать, что он делает выбор, и эксплицировать ценностные и мировоззренческие последствия этого выбора. Например, это очевидно на примере дискуссии о предпочтении определенных концепций истины в уголовном процессе.

В-третьих, исследователь должен быть готов к аргументированному научному диалогу на разных парадигмальных языках и признавать сам факт их наличия, что связано с выработкой высокой культуры научного познания и универсальными стандартами научного исследования.

УДК 340.1

М.А. Пашкеев

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

4 марта 1917 г. в Минске под руководством М. Фрунзе была создана народная милиция. В рамках БССР датой основания белорусской милиции считалось 10 ноября 1917 г. – день образования советской милиции, но эта милиция была создана после Октябрьской революции, а милиция, созданная 4 марта под руководством М. Фрунзе, была образована после Февральской революции 1917 г. Действительно, милиция представляет собой народное ополчение – предполагается, что граждане в свободное от работы время на добровольной основе осуществляют охрану общественного порядка и ведут борьбу с преступностью. Полиция же, исходя из этимологии и семантики термина, предполагает наличие штатного профессионального органа, выполняющего задачи по борьбе с преступностью, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Следует указать, что после принятия 27 июля 1990 г. Декларации о государственном суверенитете в Верховном Совете рассматривался проект Закона «О милиции». В Верховный Совет поступили три альтернативных законопроекта.